

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

— Кто идёт?
 — Новый год!
 — Пароль?
 — Победа!
 — Наступайте!

Рис. П. Бродяга

— Задача ясна!..

Без пяти двенадцать

Пускай война легла на плечи
Тяжёлой ношею забот,
Мы от души готовим встречу
Тебе, грядущий Новый год!

Дыханье праздника живое
Бодрит и освежает всех,
Плывёт смолистый запах хвои,
Звучит весёлый детский смех...

Минувший год был славным годом,
Он, как герой, прошёл свой путь.
И по заслугам всем народом
Его должны мы помянуть.

А после — гордо и по праву
Поднимем новогодний тост
За жизнь, за Родину, за славу
Непобедимых красных звёзд!

За всё, что мы добыли кровью,
Четвёртый год войну ведя!
За Армию и за здоровье
Её великого вождя!..

Войцы, победу добывая
Вдали от милых сердцу мест,
Сейчас, наверно, вспоминают
Родных, знакомых и невест.

И видно им сквозь дымный полот
Метели зимней, фронтовой:
Ребята кружатся у ёлок,
Встречая светлый праздник свой.

И всей гурьбой желают папам
Здоровья, счастья и побед,
И ёлка шлёт зелёной лапой
Далёким воинам привет.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СТАРИК поправил очки и сердито взял аккорд на счётах, отчего костяшки завертелись, как сумасшедшие.

— Давай, давай, принимай, не стой! Время осталось считанное. Слава богу, я и так лишний день отгрохал. Как никак, а я Высокоосный! На чём мы остановились? (Водит пальцем по инвентарной книге.) Недвижимость принял? Пять частей света, океаны, два полюса, Северный и Южный. Проверил, в наличии? Распишись. Переходим к основным ценностям. К чему ты там прилип? На что любишься? А, СССР! Да, брат, тут есть чем полюбоваться, но имей в виду, там не любят, когда стоят, сложа руки. Стало быть, СССР. Что за места, что за народ! Ей богу, расставаться жалко!

— Дяденька, а вот тут неправильные записи, я так не согласен. Окончание стройки запланировано на 1945 год, а тут уже всё построено и везде ваша фамилия значится — Сорок Четвёртый. Это вы мне в карман влезли!

— А ты знай помалкивай! На твой век работы хватит.

— Дяденька, это Москва?

— Она самая. Ах, брат, как меня там встречали! Тосты, поздравления, пожелания... Лучшие люди страны ставили передо мной высокие задачи! И я, могу сказать, оправдал доверие. Надо полагать, что и тебя встретят не хуже, если не лучше. Я тебе хорошую почву подготовил. Большие надежды на тебя возлагают. В последний день я ходил по улицам, так хозяйки меня чуть с ног не сшибли, готовятся к встрече. Я теперь для них — старый. Все тебя ждут, нового.

— Давайте, дяденька, дальше сдавать-принимать. Мне уж самому хочется поскорее. Вот это у вас чего записано? Номера, номера, конца не видно...

— А ты не оглашай, чучело! Это номера дивизий! За разглашение дислокации, знаешь, чего бывает? То-то! Пиши: Одесские, Севастопольские, Кишинёвские, Рымникские, Плоештинские, Минские, Пинские, Брестские, Дунайские...

— Дяденька, у меня рука устала.

— Ишь ты, какой нежный! Чего ищешь, чего опять потерял?

— Дивизии... Значается под рубрикой СССР, а на территории нету?

— Эк, хватился! Они уж давно в Восточной Пруссии, в Венгрии, где-где их только нет!

— Ага! Где порядок, там порядок, я ничего не говорю. Все ценности на местах, принимать приятно. А вон в том ящике у вас чего? Да уж не мямлите, старина, сознавайтесь сразу.

— Это... как бы тебе сказать... отрицательные персонажи истории. Кого ты там первого вытащил? Ага, Гитлер, фюрер. По старым записям, ефрейтор Шикльгубер... Чего это ты против него крестик поставил?

— На заметку беру. В расход выведу. Я с подобными отрицательными персонажами миндальничать не намерен. А это что за говорящая обезьяна? Как называется? Геббельс? Тоже никак не может служить украшением вверенного мне мирового хозяйства.

Сорок Пятый роется в ящике:

— Ну вот, благодарю вас! Я уже во что-то вляпался рукой!

— Ах, это Лаваль и Петэн...

— Тьфу! А нафталином чего пересыпано?

— Ну, это не бог весть. Польские куклы реакционного происхождения.

— Дяденька, у вас тут значится какое-то Муссолини? А где оно?

— Не знаю, не приставай.

— То есть как это — не знаю! Потрудитесь представить! Я не обязан кота в мешке принимать!

— Это не кот, это хуже.

— И подумать только, для чего-то, где-то существует! Нет, я уж вижу, что, кроме чистой, благородной работы, мне придётся очищать земной шар от нечистот. Спасибо!

— Ничего. Разберётся. Часы быют! Ну, до свиданья, родной! На страницах истории встретимся. Нам рядом стоять. Сейчас придёт в Москву, передай поклон от Сорок Четвёртого и помни: время работает на советских людей. В добрый час!

В. КАРБОВСКАЯ

ТЕЛЕГРАММА
 ТРИЖДЫ ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
 АЛЕКСАНДРУ ПОКРЫШКИНУ
 НАШИ ЗВЕЗДЫ МЕРКНУТ ПЕРЕД
 ВАШИМИ. МОСКОВСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ

ТЕЛЕГРАММА
 РЫБНОВСКАЯ МТС
 ТРАКТОРИСТКЕ ДАРЬЕ ГАРМАШ, КОПИЯ
 МОСКВА АКАДЕМИКУ ЛИНЕ ШТЕРН,
 КОПИЯ МОСКВА НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ
 АЛЛЕ ТАРАСОВОЙ, КОПИЯ УРАЛ ДОМНЕ МАГНИТО-
 ГОРСКОЙ, КОПИЯ Н-СКАЯ МИНОМЕТНАЯ
 ЧАСТЬ КАТЮШЕ ГВАРДЕЙСКОЙ.
 ВОСХИЩАЕМСЯ ТЧК ПРОДОЛЖАЙТЕ НОВОМ
 ГОДУ ТОМ ЖЕ ДУХЕ. КРОКУДИЛ.

ТЕЛЕГРАММА
 МОСКВА, МЕТРОПОЛИТЕН.
 СТРОИТЕЛЯМ НОВОГО ПЕРЕХОДА
 ОХОТНЫМ РЯД-ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ
 С НОВЫМ ХОДОМ.
 М О С К В А М Ч И

ТЕЛЕГРАММА
 Н-СКОМУ АРТИЛЛЕРИЙСКОМУ
 ДИВИЗИОНУ НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ
 ДЛЯ ОТПРАВКИ ЗАГРАНИЦУ
 ВЫСЛАЛИ ТЧК. БЕЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ.
 РАБОЧИЕ Н-СКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ЗАВОДА.

ТЕЛЕГРАММА
 АБСОЛЮТНОМУ ЧЕМПИОНУ ПО БОКСУ
 Н. КОРОЛЕВУ ПОЗДРАВЛЯЕМ
 ТЯЖЕЛЫМ УДАРОМ,
 БОЛЕЛЬЩИКИ

ТЕЛЕГРАММА
 ПИСАТЕЛЮ ВС. ИВАНОВУ
 ТРЕТИЙ ГОД БЕСПОКОИМСЯ
 МОЛУЧАЕМ. -
 СНОВЫМ ГОДОМ! ЧИТАТЕЛИ

ТЕЛЕГРАММА
 УФА ДИРЕКТОРУ СПИЧ. Ф-КИ „БЕЛКА“
 ВАШИ СПИЧКИ ПОЛУЧЕНЫ ТЧК
 СПАСИБО ТЧК СРОЧНО ТЕЛЕГРАФЬТЕ
 ГДЕ МОЖНО КУПИТЬ
 ЗАЖИГАЛКУ
 КУРИЛЬЩИК НИКОТИНОВ

Телеграмма
 МОСКВА ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГУ
 НО КОРОТОК МОЙ ВЕК,
 ОН НЕ ДОЛЕЕ АНЯ.
 БУДЬ ЖЕ ДОБР, ЧЕЛОВЕК,
 И НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ.
 КОЛЧЕНОГИЙ

ТЕЛЕГРАММА
 БЕРЛИН, КОЛЧЕНОГОМУ
 ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЗВЕСИМ,
 КОГДА ТЕБЯ ПОВЕСИМ.
 И. ЭРЕНБУРГ

ТЕЛЕГРАММА
 ДРАМАТУРГУ А. ГЛАДКОВУ
 ВЫ НАПИСАЛИ ХОРОШУЮ ПЬЕСУ ДАВНЫМ
 ДАВНО ТЧК ДАВНЫМ-ДАВНО
 ЖДЕМ НОВУЮ. ЗРИТЕЛИ

Рис. К. Елисеева

— Мальчик, не закрывай двери! Мне туда же!..

✓ НОВОГОДНЯЯ ПОЧТА

Огарок тусклый освещает
Подвала сумрачного свод.
В подвале Гитлер не встречает,
А только провожает год.

Он в год вступает сорок пятый,
Как зверь облавой окружён,
В тиски железные зажатый,
Тесным грозно с двух сторон.

Нет на столе кипящей чаши,
Шампанское — за рубежом.
Последний сателлит Салаши
Явился с тощим багажом.

Уж нет портвейна, вышел рислинг,
И скоро кончится рейнвейн...
Помочь войсками просит Квислинг,
Скулит Тербозен и Гейнлейн.

Здесь за столом не слышно здравий,
Лишь из Испании пакет
Прислал какой-то дон-Мерзавец.
В пакете — проездной билет.

Прислал тайком привет прощальный
Швейцарский «скромный часовщик» —

Немецкой армии тотальной
Весьма солидный поставщик.

Ещё по адресу Берлина
Прислали тайный свой поклон
Буэнос-Айрес (Аргентина)
И старый дядя Лиссабон.

Прочтя последнюю депешу,
Смутился гитлеровский сброд.
В ней было сказано: «Повешу!»
А подпись: «Сорок Пятый год».

С. МАРШАК

ВETERАН НА ЕЛКЕ

Рисунки И. Семёнова

— Это только для вас, гражданских, пушки — игрушки.

Благополучный конец

БЫЛО это в Туле или Саратове, а может, и в самой Москве. Ежели хотите знать, то такое приключение могло вполне случиться в любом советском городе.

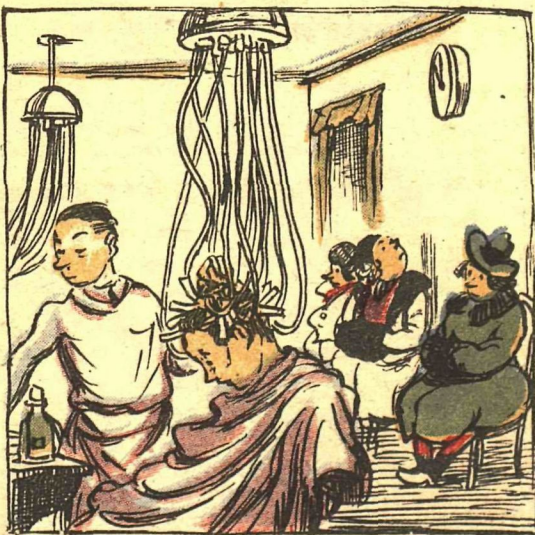
А потому для ясности скажу: дело было в городе Н.

Там на Н-ском заводе работает мастером мой старый друг-приятель Тарас Кузьмич Кирпичников. Ещё недавно в газете был его портрет: усы с проседью и весёлый, геройский взгляд.

Ко всему этому должен добавить, что старуха Кузьмича — высокого качества подруга жизни. Насчёт красоты и характера Марфы Киреевны касаться сейчас не буду. Но умолчать об её огурчиках и пирогах с капустой было бы с моей стороны не товарищеским поступком. Да что тут долго размусоливать: чудесная хозяйка — Марфа Киреевна, побольше бы таких женщин на сегодняшний день!

Ну, сами понимаете, что когда Кузьмич пригласил меня к себе на новогоднюю встречу, я с радостью изъявил своё полное и решительное согласие.

СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ

— При одной мысли, что я могу опоздать на встречу Нового года, у меня волосы дыбом становятся.

К одиннадцати часам все гости были в сборе. Всего шестнадцать персон. Одной из этих персон, как сами догадываетесь, был я.

Сам хозяин ещё отсутствовал. Дочка его Ира — студентка она — объяснила:

— Папочка звонил с завода. Сказал, что немного задержится. Будет дома без пяти двенадцать.

А стол, скажу я вам, уже был полностью оборудован и мог в любой момент вступить в строй действующих гигантов пищевой индустрии. Графинчики, стаканчики и прочий инструмент, а также все закусовые детали и запасные части сильно смущали ум человеческий.

Но в этот вечер стенные часы у Кирпичниковых, как назло, не умели набирать темпов. Стрелки, как мне показалось, двигались слишком медленно, по-старинке. И я, грешным делом, подумал, что этому отставанию причина — тяжёлые гири на часах: они, черти, тормят время, не дают ему ходу...

В это время в передней зазвонил телефон. Минуты через две заходит Ира и говорит Марфе Киреевне:

— Мамочка, звонил папочка, что он придёт не один. С ним ещё два товарища.

Старуха тотчас же приняла конкретные меры: поставила ещё два агрегата и несколько усилила батарею, добавив один пузатый и весьма добродушный графинчик.

Не успела она закончить это важное мероприятие, как в передней опять заверещал телефон. Ира бежит к телефону, а возвратившись, смеётся и говорит:

— Мамочка, звонил папочка. Придёт он не с двумя товарищами, а с четырьмя.

Старуха опять пришла в движение. Вместе с Ирой внесли из передней ещё один столик. Затем Ира побежала к соседям за стульями, за посудой.

А Марфа Киреевна между тем утешает нас, чем может.

— В тесноте, — говорит, — да не в обиде.

А один из гостей, Краснушкин, подходит ко мне и шепчет:

— Как же это так, Михаил? Как же не в обиде?..

Этот Краснушкин работает на заводе статистиком. И вот он как специалист по учёту сразу смекнул, что сумма, делённая на большее количество гостей, может дать нежелательную дробь и снизит нашу пропускную способность...

Как раз в эту минуту... Что же вы думаете? Опять — телефон! Тут уж я пошёл. Поговорил, захожу и, сам не свой, говорю:

— Мамочка, звонил папочка. Придёт он через десять минут. Но придёт не один и не с двумя и не с четырьмя, а с шестью товарищами.

— Пропали! — выкрикнул Краснушкин и с горя чуть не повалился на винегрет.

Начались охи да вздохи, пошла суета, стали мы планировать в смысле расстановки сил...

Тут-то раскрывается дверь и входит Кузьмич. Входит, заметьте, один-одинёшенек.

Кидаемся к нему, как тигры, и спрашиваем: — А где же остальные?

Он крутит ус, как ни в чём не бывало, и даёт удивлённые глаза:

— Кто остальные? Гости как будто и так полная хата.

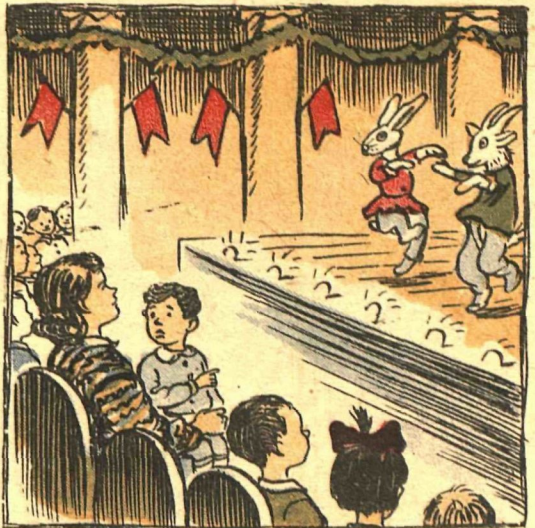
Все шестнадцать персон пожимают плечами:

— Но ты же, Кузьмич, звонил!

Кузьмич вспомнил:

— А! Действительно, звонил... Но я вас обманул. Дело было так. Захожу к себе в цех. Показывают мне новогодний номер цеховой газеты. А там, между прочим, сказано: «В этом году наш Кузьмич работал за троих». Ну, думаю, если работал за троих, то в Новый год мне можно встречать за троих. Вот я и позвонил, что приду не один, а втроём. Потом минут через пять подаю мне заводскую газету,

СКЕПТИК НА КОНЦЕРТЕ

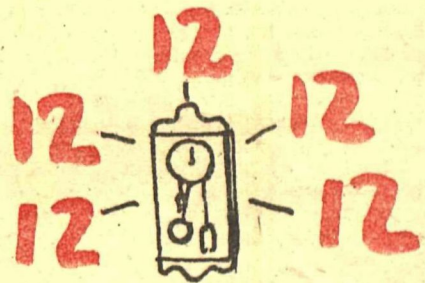
— Мама! Каждый год одно и то же.

а там написано: «Товарищ Кирпичников работал за пятерых». Вот и захотелось мне встретить Новый год за пятерых. Выхожу из цеха, встречаю Матвея Сергеевича. Он мне жмёт руку, поздравляет с наступающим и говорит: «Тарас Кузьмич, ты в этом году работал за семерых». Раз директор даёт такую установку, я тут же позвонил домой, что со мной вместе придёт ещё шесть товарищей. Семь Тарасов в одном моём лице! Ясно?..

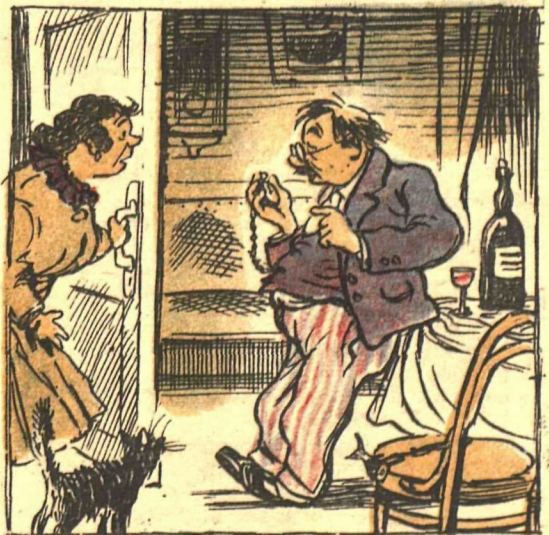
Посмеялись мы над хитрой шуткой Кузьмича. А тут как раз часы, спасибо им, начали отбивать двенадцать. Мы и поспешили к столу...

Было это в Туле или Саратове, а может, и в самой Москве. Ежели хотите знать, то такое приключение могло вполне случиться в любом советском городе.

Г. РЫКЛИН

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ.

— Ещё нет двенадцати, а ты уже готов!..

— А я по владивостокскому времени встретил...

Всегда же бывает...

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ

ОДНАЖДЫ мне довелось встречать Новый год во фронтовой обстановке. Попал я в танковую часть, где делал зарисовки для своей будущей картины.

Я сидел в землянке у командира, на табуретке возле жарко натопленной печурки. Горела копилка. В это время в комнату вошёл молодой лейтенант с таким открытым, добродушным и в то же время волевым лицом, что я невольно им залюбовался.

— Вот центральная фигура для моего полотна, — решил я.

Подполковник, углубившись в карту, давал лейтенанту важное и срочное задание: пешим пробраться в тыл врага и выяснить расположение его коммуникаций.

— Срок возвращения — 3 часа, — закончил подполковник.

Выйдя из землянки, я пошёл бродить по лесу, горя нетерпением скорее приступить к наброску чудесного русского лица будущего героя моей картины.

Случайно зашёл в офицерскую столовую и сразу остановился как вкопанный. За столиком несколько офицеров чокались рюмками коньяку.

— С наступающим! — обратился ко мне один из них. — Прошу к нашему шалашу. Это был тот самый лейтенант, который около часа назад получил в моём присутствии срочное задание и сейчас должен был бы находиться по крайней мере в пяти километрах отсюда. Мне стало неловко, но я промолчал.

Я вышел из столовой, решив, что я переговорю с ним позже, с глазу на глаз.

Через полчаса я подошёл прикурить к группе военных, разместившихся на срубленной осине.

— Ну, друзья, сейчас и досталось мне — поработал на славу, — сказал один из них. — С мотором возился.

При этом он чиркнул зажигалку, осветив своё лицо.

Это был всё тот же лейтенант. Выходит, что вместо срочного задания он час просидел в столовой, а теперь обманывал товарищей, говоря, что проверял мотор.

Я решил его отозвать в сторону и поговорить с ним:

— Товарищ лейтенант, ответьте мне на один вопрос: какими словами вы будете докладывать командиру о выполнении порученного задания?

— Какими словами? Самыми обычными, товарищ художник.

— Меня интересует ещё один вопрос — насчёт коньячка, — спросил я ехидно.

— Насчёт коньячка докладывать не обязательно.

Побродив в смятении по лесу, я вернулся в землянку к командиру части. Там я встал снова моего лейтенанта. Когда я входил, он рапортовал:

— Ваше задание выполнено, товарищ подполковник, точно в указанный срок — 3 часа. Разрешите доложить о результатах.

— Молодец! — сказал командир и пожал лейтенанту руку. — Ну, а теперь, — добавил он, — можете идти отдохнуть, ведь сегодня новогодняя ночь.

— Товарищ художник, — обратился ко мне лейтенант, — может быть, по случаю

Нового года вы не откажетесь выпить со мной по рюмке коньяку?

Тут я не выдержал:

— Благодарю вас за приглашение, но час назад вы мне предлагали это же самое и по тому же случаю.

— Я? — удивился лейтенант.

— Именно вы, товарищ офицер. В той самой столовой, где вы проводили, очевидно, разведку, после чего у осины рассказывали, что были заняты починкой мотора, а сейчас докладываете товарищу подполковнику, что выполняли его задание.

Подполковник посмотрел на меня, потом на лейтенанта и подмигнул ему. После этого оба начали смеяться.

— Не будете ли вы добры объяснить мне, — обратился я в замешательстве к командиру, — весь этот новогодний карнавал.

— С удовольствием, — ответил он. — Дело очень простое. Главное, что здесь все правы. А всё это произошло оттого, что вам ещё не было известно, что в составе экипажа танка № 738 служат два брата-близнеца, похожие, как две капли воды, друг на друга и оба к тому же — лейтенанты. С одним из них вы, очевидно, и пили коньяк — он оставался исправлять мотор своего танка, а со вторым братом вам это удовольствие ещё только предстоит.

Портрет этого лейтенанта я потом нарисовал, а позировали мне оба брата поочередно — в свободное время.

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ,
художник, лауреат Сталинской премии

ГУЛЯШ ПОВЕНГЕРСКИ

Я НЕ кулинар. Но после одного сражения меня в нашей части, с лёгкой руки командира дивизии, никто иначе, как шеф-повар, не называл.

Было это ещё у Чернигова, на реке Снов. Встретилась там наша часть с батальоном венгров. Венгры, следуя установившимся традициям, продолжаящимся и по сей день, были разбиты наголову. После боя к нам в часть приехал командир дивизии.

Посмотрел он вокруг, подозвал меня и говорит:

— А я не знал, капитан, что вы умеете так хорошо готовить гуляш повенгерски.

— Извините, товарищ генерал, — говорю, — но вас ввели в заблуждение. Кроме личицы-глазуны я никогда ничего не готовил. И к кулинарии никакого отношения не имею.

— Разве? А это что? — показывает генерал на Снов. — Речка до краёв наполнена искромсанными на мелкие куски венграми. Всё это густо приправлено разбитыми вражескими танками и пушками. Настоящий гуляш. Сразу видно, что прудились опытные повара. Спасибо!

Так с тех пор и привилась ко мне кличка — шеф-повар.

Пантелей ЗОНОВ,
капитан, Герой Советского Союза

НЕДОРАЗУМЕНИЕ С МЕШКОМ

ЗАДУМАЛ я купить боевой самолёт. Деньги для этой цели у меня были. Остановка была за небольшим: где и как это сделать?

Никакого опыта в таких покупках, сами понимаете, у меня раньше не было.

По совету добрых людей я решил обратиться в областную комитет партии.

Приехал в Саратов. Иду в обком. Говорю: так и так, к секретарю по важному и неотложному вопросу. Дали пропуск.

А на лестнице милиционер — не пускает.

— С мешком, — говорит, — не полагается.

— Как это не полагается? Без мешка мне никак нельзя.

Я прошу милиционера:

— Пропусти меня, товарищ, с мешком, именно с мешком.

А он своё:

— Никак нельзя. Не полагается. На вешалку сдай...

— Нельзя, — говорю, — сдать.

— Почему такое «нельзя»?.. А что там, в мешке? Не пропадёт. На вешалку разные пальто сдают, которые, может, по тысяче рублей стоят, а ты дрянной мешок боишься сдать.

Как же рассказать милиционеру, что в мешке деньги? Мало ли что придёт ему в голову; ещё, может, меня в чём-нибудь заподозрит, потом оправдывайся, объясняйся.

Я пошёл тогда на хитрость.

— А в мешке экспонаты. Очень, — говорю, — редкие. И могут повредиться. А я их самому секретарю должен предъявить.

Милиционер уступил:

— Так бы с самого начала и сказал.

Через несколько дней, когда в газетах написали, что я купил самолёт, милиционер, должно быть, догадался, какие экспонаты были у меня в мешке.

ФЕРАПОНТ ГОЛОВАТЫЙ,
колхоз «Стахановец», Саратовской области.

НОВОГОДНИЙ «ЯЗЫК»

ЭТО было в прошлом году, 31 декабря. Наша часть стояла на западном берегу Днепра. Группа бойцов отправилась в разведку с заданием — достать к Новому году «языка».

В разведку отправился и боец-казах Асеткулов. Это был его первый выход. В маскировочных халатах, с автоматами за спиной, наши бесшумно пересекли провололочные заграждения и поползли дальше. Вдруг Асеткулов обнаружил, что потерял компас. Стал он шарить по снегу, да всё бесполезно. Асеткулов упрямо продолжал поиски и незаметно для себя отстал от своих.

Куда двинуться дальше? В какую сторону ушли наши? Асеткулов наугад пошёл вперёд и напоролся на часового в белом халате, с пулемётом. Свой это или чужой?

Асеткулов плохо говорил по-русски. Он крикнул по-казацки: опусти, мол, пулемётное дуло. А для наглядности дополнил свой приказ выразительным жестом.

Часовой в свою очередь жестом потребовал, чтобы и Асеткулов опустил вниз автомат. В темноте Асеткулов не разглядел, с кем имеет дело, и решил, что тот — тоже наш боец, но другой национальности. Поставили так они вдвоём, помолчали. Асеткулов стал объясняться и высунул язык: получил, мол, задание достать «язычка».

Часовой по-своему понял Асеткулова и, полагая, что тот хочет кушать или пить, предложил флягу с вином. Асеткулов поблагодарил его и протянул свою флягу. Подавая вино к самому рту часового, Асеткулов обнаружил, что имеет дело с немцем, и, недолго думая, вдвинул флягу изо всей силы в рот. У немца что-то хрустнуло, и он от неожиданности свалился. Асеткулов схватил пулемёт и ткнул флягу автоматом в грудь. Тот послушно встал и последовал вперёд.

Но куда идти? Чего доброго, опять нарвётся на немцев. И Асеткулов заел тихо-тихо свою любимую казахскую песню. Идёт и поёт, а на поводу ведёт немца.

Услышали бойцы из нашего передового охранения, что кто-то поёт. Знакомой показалась им эта песня. прислушались они:

— Да это никак наш Асеткулов!

Но Асеткулов почему-то удаляется, и голос его становится всё глуше. Не заблудился ли он?

Короче, выслали навстречу Асеткулову товарища и привели, наконец, его вместе с новогодней поживой домой.

А. ЗАЙЦЕВ,

майор, Герой Советского Союза

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

Я ВЕДЬ не только хирург, но и охотник. Пристрастился к этому делу ещё в юношестве. Отбросив излишнюю скромность, могу сказать: стреляю неплохо.

Охотники признаются в своих грехах неохотно. А я вот хочу рассказать, как однажды я промахнулся.

Это произошло на фронте, в районе Варшавы, на берегу Равки. Наши части занимали позицию по эту сторону реки, немцы — на другом берегу. От наших окопов до вражеских траншей было восемьсот, а то и вся тысяча метров. И вот на таком расстоянии я стал охотиться за одиноким немецким солдатом, которого вдруг заметил. Он что-то там делал у себя, копался, — должно быть, рыл новый ход к своей траншее.

Немец стоял в глубокой яме. Только в момент выброса земли он на короткое мгновение показывался и вновь быстро исчезал. В это-то мгновение его и нужно было поймать на мушку.

Прежде чем ударить наверняка, я решил пристреляться. Трижды прогремела моя трёхлинейная, и каждый раз я оставался доволен собой: пуля носила землю над самым тем местом, где то и дело возникал немец. Решил сделать ещё один пробный выстрел, а пятым непременно поразить живую мишень. Но... пятой пули мне послать не довелось. За секунду до того, как это должно было случиться, из ямы поднялся над землёй... большой белый крест... Немец решил поиздеваться над невзрачным своим охотником. Ему эта история надоела, и он точно говорил:

— Ну, хватит... Ведь убил же, убил наповал... Вот и крест над свежей могилой...

Досада грызла меня всю ночь. Но утром я взял реванш: из трёх бошей, пустившихся в разведку вброд через Равку, ни один от меня не ушёл. Но до сих пор я не могу простить себе того промаха, — ведь ещё одним немцем было бы меньше.

Это случилось тридцать лет назад на германском фронте. Я служил тогда в роте, которой командовал мой брат, Петр Сергеевич, двадцатидвухлетний прапорщик.

Недавно я побывал на наших позициях почти в тех же местах. Я видел в деле наших снайперов. Хорошо стреляют, здорово, отлично, без промаха! Один из них, сын старого сибирского охотника, сказал мне:

— Стрелять стараюсь, товарищ полковник, так, чтобы из четырёх немцев убить пять.

Академик С. ЮДИН,
лауреат Сталинской премии

МИРКО МАРКОВИЧ

О ДЕКОЛОНОМ позволите? — вежливо спросила девушка-парикмахер, взявшись за грушу пульверизатора. — Только предупреждаю: во избежание недоразумений закройте глаза покрепче.

Но я не только не закрыл глаза покрепче, но раскрыл их настолько широко, насколько это было в моих силах.

— Что вы делаете! Закройте глаза немедленно!

— Милая девушка! Я согласен закрыть глаза. Но откуда вы здесь, в Москве, знаете Мирко Марковича? — спросил я, сляясь открыть глаза ещё шире.

— Какого Мирко Марковича? Может. Романа Марковича, нашего профуполномоченного?

— Нет, именно Мирко Марковича из Обреноваца, — настаивал я. — В Обреноваце живёт ваш брат по кисти и бритве Мирко Маркович, который тоже настоятельно рекомендует закрывать глаза покрепче во избежание недоразумения... Если у вас есть несколько минут свободного времени, я охотно расскажу вам один случай из практики парикмахера Мирко, — предложил я. — Так вот. Во время моих недавних скитаний по Югославии судьба забросила меня в местечко Обреновац. Знакомство с Мирко Марковичем состоялось по тем же причинам, что и с вами: мне нужно было побриться. Во время этой операции Мирко занимал меня разговорами. Вот что, между прочим, он рассказал:

— Тяжело жилось нам при немцах. Но, наконец, наступил радостный день, когда непрошенные гости приготовились сматывать удочки. Сильно забеспокоились и четники — эти лесные бандиты и головорезы.

Однажды утром приходит в парикмахерскую бородачатый верзилка. Тревожно озирается вокруг и требует срочно постричь его наголо и начисто сбрить бороду и усы.

— Бери, сколько хочешь, только действуй поскорей, — просит он.

Ну, я, конечно, привёл эту образину в человеческий вид. Только я вымыл прибор — входит ещё один. Похлеще первого. И тоже требует проделать ту же операцию. И тоже срочно.

«Что такое? — думаю. — Что это вдруг за новая мода пошла на голые черепа!»

Рассказываю об этом своей старухе. А она у меня смелливая. Сразу поняла, что к чему.

— Это, — говорит, — они на маскарад собрались.

— Какой такой маскарад? — спрашиваю.

— Очень даже интересный, — отвечает. — Ведь это четники. Хотят спасти свою шку-

ру. Вот и бредятся-спригнутся, чтобы их наши не узнали, когда придут. Я всё что думаю, Мирко: а не пойти ли мне в горы к нашим и не рассказать ли им, какие кленты сюда повадились.

Сказано — сделано. Шустрая старуха моя побрела в горы к ребятам из Народно-освободительной.

Долго она пропадала. Я даже забеспокоился: не случилось ли чего? Но вот поздно вечером возвращается она. Да не одна, а с двумя нашими парнями. И мы договариваемся вот о чём.

Как только в парикмахерскую заходит очередной четник, я его стригу, брею и, перед тем как освежить одеколоном, предлагаю во избежание недоразумений покрепче закрыть глаза.

Он закрывает. Тут из чулана тихо, без шума выходят ребята и... Ну, дальше вы сами понимаете, что происходит.

— Так мы за один только день, не привлекая внимания, выловили двенадцать мерзавцев, — закончил Мирко, берясь за флакон с одеколоном. — Разрешите освежить, дорогой товарищ! Только закройте глаза покрепче во избежание недора... тьфу! Извините! Проклятая привычка, — смеясь, сказал он.

Рассмеялась и девушка-парикмахер.

— Разрешите всё же освежить, — сказала она, снова взяв грушу пульверизатора. — А глаза всё-таки закройте покрепче!

Владимир ЕШУРИН,
кинооператор, лауреат Сталинской премии

ГЛУХОНЕМОЙ...

Я НИКОГДА не вращался в обществе глухонемых. Так что легко себе представить, какие трудности я испытал, когда...

Но, впрочем, не буду забегать вперёд.

Вот он — заросшее редкой бородой лицо, ссадина у левого уха, прищуренные, слезящиеся глаза. А на груди фанерная дощечка «Я глухонемой, инвалид Отечественной войны, прошу помочь, дорогие товарищи».

Этого глухонемого я увидел недавно в метро. Он стоял в вестибюле станции и уныло потряхивал жестяной из-под консервов, в которой звенели монеты.

Через несколько минут я очутился в другом зале станции и тут совершенно случайно столкнулся лицом к лицу с глухонемым. Мне показалось, что, увидев меня, он почему-то смутился.

Но, может быть, мне это почудилось? На всякий случай я последовал за ним. Он начал подниматься на эскалаторе. Я — тоже. Замечаю: он обернулся и украдкой взглянул в мою сторону. Оказывается, я слежу за ним, а он — за мной. Это интересно.

На всякий случай быстро поднимаюсь по ступенькам эскалатора и становлюсь за спиной глухонемого. Он не оборачивается, но я чувствую, что он нервничает.

До того нервничает, что, приехав наверх и соскакивая с лестницы на площадку, он зацепился ногой за зубцы эскалатора. Я нечаянно наскокил на него. Он потерял равновесие и упал. И тут я услышал, что глухонемой обрёл дар речи.

Он со злостью прошептал:

— Доннерветтер!

Если глухонемой начинает говорить, да ещё по-немецки, — это весьма любопытно. Я ему тихо, но внятно сказал по-русски:

— Пойдёмте со мной.

Он услышал и понял. И в знак согласия кивнул головой...

На допросе всё выяснилось. Пойманный и разоблачённый шпион дал очень важные показания. Глухонемой заговорил...

Д. ГЛЫБОВСКИЙ,
старший лейтенант

На фашист

✓ ЧТО ТАКОЕ РЯДОВОЙ

Вот послушайте-ка, братцы,
Что такое рядовой.
Вышло так, что поначалу
Бил я немца под Москвой.

Под Москвою бил я немца
Тридцать суток аккурат.
А потом из лазарета
Угодил под Ленинград.

Дрался я под Ленинградом,
Как не дрался отродясь,
Но болело почему-то
Моё сердце за Кавказ.

За Кавказ болело сердце,
Будто был он родный брат.

А пришлось идти на Волгу,
Воевать под Сталинград.

Воевал под Сталинградом
Я, пока хватило сил.
Два раненья, три награды
За него я получил.

На Днепре я с немцем дрался,
По-над Бугом немца гнул.
А потом как разозлился,
Аж до Венгрии махнул.

Но, скажу вам честно, братцы,
Чтоб имели вы в виду:
Не солдат я буду, если
До Берлина не дойду!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Это был

Январь. Немцы встречали Новый год на бегу. Их гнала Красная Армия из Белой Церкви, Бердичева, Кировограда, из Мозыря, из Новгорода, из Гатчины и Красного Села.

К югу от Рима высадился англо-американский десант. Но ещё все столицы Западной Европы находились во власти Гитлера. Гитлер тогда ещё кое-как говорил, и говорил, что победит.

Февраль. В феврале 1944 года — 29 дней. Немцы имели лишний день для получения ударов от Красной Армии.

В районе Звенигородка—Шпола—мешок. В районе Корсунь-Шевченковский — кольцо.

Март. Первой примчалась к Пруту, к советской государственной границе, южная немецкая армия. За ней спешат другие. Немцы очистили Умань и Херсон, заняли Будапешт. Очистили Николаев и Очаков. Заняли Бухарест.

Финские рюти считают, что «ещё не всё потеряно».

Апрель и май. Начинается подготовка к советскому курортному сезону. Красная Армия выметает немецкий навоз вместе с немецкими солдатами, офицерами и генералами из Керчи, Симферополя, Евпатории, Ялты. Одесса проветривает свои улицы после румын.

Июнь. Красная Армия дала финнам по Карель-

ско
за
О
ны
Ф
хво
П
кие
неп
сид
ува
нал
впре
Бал
И
Бел
На
щё
ско
Н
сят
но
А
ния
рия
кук

ской толкучке.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ✓

му перешейку. Риббентроп мчится в Хельсинки, Риббентропом — Кейтель. Привез подарок от Гитлера — крест. Но финны ставят крест на своей дружбе с Германией. Гитлеровские гуси не спасли Рима. Предлинейной жестокостью немецких гусей погнало на север. Гитлеровский мудрый Болдуин написал 6 июня, что немецкие укрепления на северном побережье Франции неприступны. 6 июня англо-американские войска вылезли на северном побережье Франции. В знак признания к провинительности американского журналиста Крокодил постановляет именовать его теперь Балдуином — первым кавалером ордена Балды.

7 июля. Красная Армия освобождает столицу России — Минск, столицу Литвы — Вильнюс. Начинается освобождение Польши. Люблин возвращается польскому народу. Львов возвращен украинскому народу.

8 июля. Немецкие генералы в знак благодарности поднесли своему фюреру бомбу со взрывом. Кому суждено быть повешенным, тот не взрывается.

9 августа. Путь от Плоешти до Бухарешти. Румыны объявили войну Германии. Зашевелилась Болгария. Закопшились Бур, Кукель и прочие буржуазные рачкевичи в Варшаве и в Лондоне.

Сентябрь. Болгария даёт пинка немцам. Немцы изгнаны из Эстонии. Очищена от них Франция. Проходит состязание на присвоение ордена Балды. Геббельс подсказывает: «Мы твёрдо убеждены, что покушение на Гитлера является поворотным пунктом для всей войны».

Лей говорит: «На Восточном фронте положение стабилизировалось. Большевики не вступили в Восточную Пруссию, не заняли Риги».

Орден Балды присуждён турецкому генералу Эркилету. Он изрёк: «Большевики не в состоянии вступить в Восточную Пруссию».

Октябрь. Красная Армия вступила в Восточную Пруссию. Освобождена Рига. Немцы изгнаны из Аахена. В Венгрии вместо гуляшей им остаётся только Салаша.

Гитлер перевёз гуртом своих сателлитов в местечко Фушль. Хорна Сима подрался с Лавалем из-за койки.

Гитлер решил красноречиво молчать. Молчит.

Орден Балды присуждается агентству Трансоцеан. Оно возвестило: «Сомнительно, что советскому командованию удастся до наступления зимы начать в Венгрии новые крупные операции».

Ноябрь. Красная Армия возобновила крупные операции в Венгрии.

После десяти ударов, полученных германской армией в течение года, Гитлера хватил удар. Он потерял язык. Гитлеровская Германия потеряла надежду на спасение.

Франко ещё не потерял такой надежды. Он объявил себя испанским демократом. Народы много смеялись.

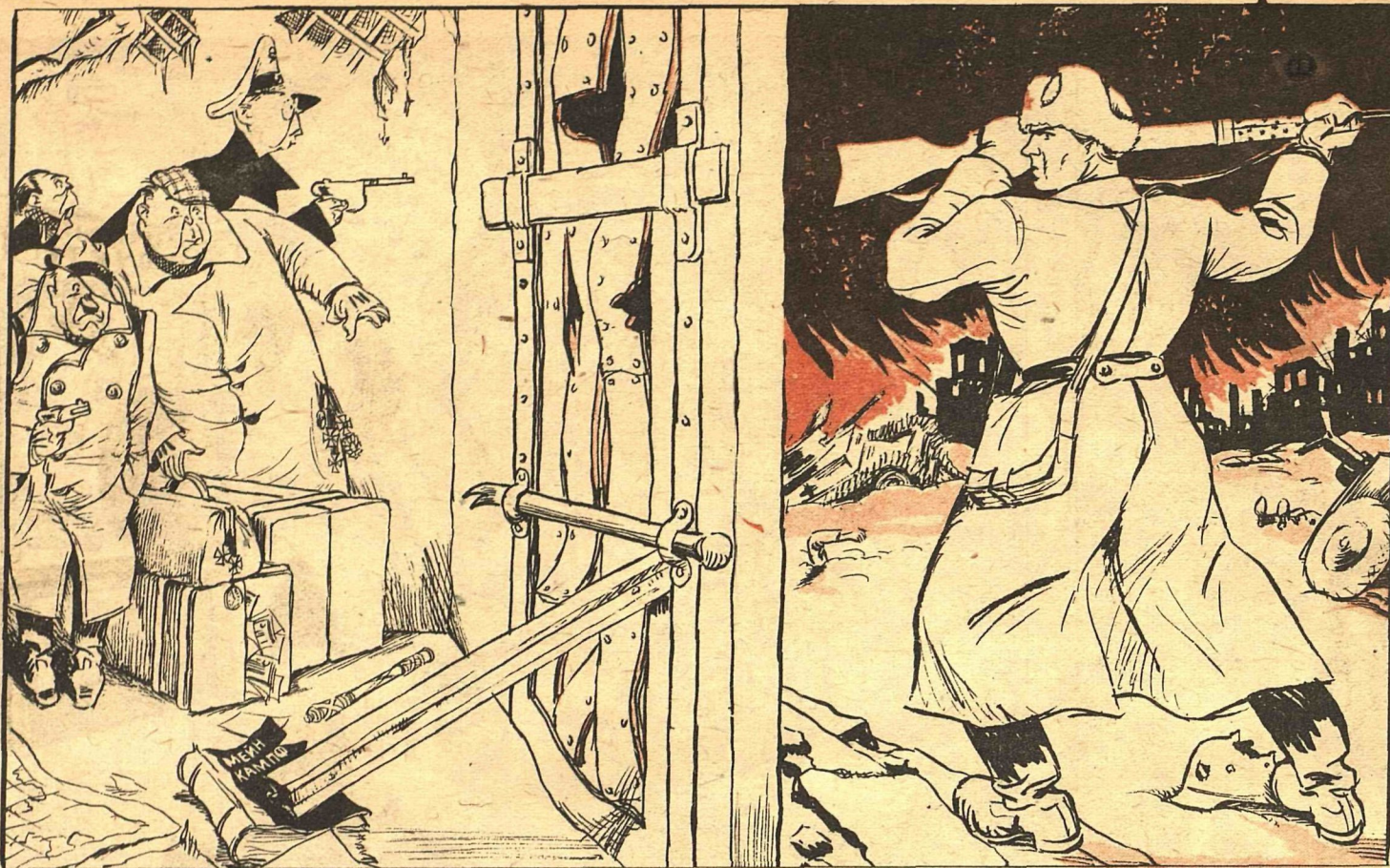
Швейцария решила, что пришло, наконец, время признать Советский Союз. Советский Союз решил, что ещё не пришло время считать Швейцарию миролюбивой и демократической страной.

Декабрь. Салаша отбыл из Будапешта в объятия Гитлера. Объяснялись жестами. Салаша протянул ладонь. Гитлер показал шиш. Муссолини получил приказ отдать свою койку Салаша.

Наступление Красной Армии в направлении на Будапешт и Вену вызвало ничем не обоснованное оживление среди монархов, сданных на хранение в ломбард и траченных молью. Отто и Феликс Габсбург, Рупрехт Баварский и Роберт Парижский танцуют кадрили.

Немцы в Германии с завистью смотрят на своих дипломатов. Из Мадрида удрал с испанским паспортом пресс-атташе германского посольства. Из Стокгольма сбежали семь работников германской миссии. Все со шведскими паспортами.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

ГИТЛЕР и К°:— Говорят, Новый год, Новый год... А порядки у него ведь старые.

Испытание

ЧУТЬ свет Прокофьевна уже на ногах. Пылают берёзовые поленья. Прокофьевна разогревает вчерашние щи, варит гречневую кашу, печёт дышки. Старик Родион Шевров и сын его Матвей умылись и сидят за столом. Сперва они хлебают говяжьи щи, потом принимают за кашу. Каша много — целый горшок, и вся она пропитана гусиным жиром, — осилить горшок нелегко. Дойдя до середины, отец и сын начинают вздыхать, изумлённо кричать, но кушают: до обеда далеко, часов семь, стало быть, надо поесть основательно. Потом пьют чай.

В избе тесно: кроме массивного шкафа и пышной кровати, тут ещё поставлены два сундука, а меж ними зажат новый, по всему судя, ни разу не бывший в употреблении велосипед. — Пузанок пробовала? — сумрачно спрашивает Родион старуху.

Начинается разговор о кадках, бочках, пузанках. В здешнем трудовне не только пшеница, греча, рожь и всякие овощи, но и дыни, арбузы, яблоки. Шевровы думают поселить две кадки огурцов, заквасить три бочки капусты, замочить два пузанка яблок, а вот для засола арбузов тары не хватает. Родион хотел поехать в Прокошино, купить там две больших бочки, но председатель не дал лошади: идёт уборка урожая.

— Я ему, — раздражённо выговаривает Родион, — я ему, сычу культяпому, о деле, а он мне: «Все люди, говорит, на тебя, Родион Васильич, критику делают, что ты лодырь, что мы зря тебе трудодни пишем...»

Матвей, белобровый, с длинным, унылым носом мужчина, разительно похожий на отца, мрачно произносит:

— Все критикой спрашают. «Люди, говорит, волшебю работают, а ты что? Намедни к тебе привезли самоскидку, косогон у ней попортился, а на кузне замок: Матвей Родионич на базар в Прокошино ушёл. Это, говорит, как назвать? Весь народ закипел, когда сказали, что в такую пору на кузне замок. Имей, говорит, Матвей Родионич, в виду: кончится уборка, поставим тебя специально перед всем народом и

очень, говорит, интересно будет поглядеть, какой ты выйдешь из этой критики».

— Этак, этак! — уныло подхватывает Родион. — У них это теперь самая первая манера — исковырять человека критикой. Мужики в это голосов, бабы в двести — ай, батюшки!..

Первым из избы уходит Матвей. Он кузнец. Подручным у него работает старик Савватеев, человек малосильный, хворый, уже давно занесённый в список нетрудоспособных; но дед каждое утро по доброй своей воле приходит в кузницу, разжигает горн, подготавливает детали, размыскивает нужный материал. Не будь Савватеева, нерадивый кузнец очень запаздывал бы с ремонтом плужков, сеялок, самоскидок.

А Родион ещё долго сидит за столом, курит, поглядывает в окошко. Потом, неохотно поднявшись, стоит посреди избы и, поглаживая живот, удивлённо произносит:

— И не поешь — оно плохо, и поешь — оно плохо, и так вся наша жизнь.

Он идёт за околицу к опушке леса. Там в полукилометре от деревни стоит сказочная избушка — узорчатые наличники, превосходно обструганные брёвна, над игрушечным крыльцом — пурпурный кочет.

Это «Дикпункт».

В здешней округе — прорва брусники, лесной малины, белых грибов, груздей, орехов, разных лекарственных трав. «Дикпункт» учреждён для того, чтобы ребятишкам и стареньким бабкам было куда сдавать дикорастущие ягоды, грибы, орехи. Заведует этим пунктом Родион Шевров.

По утрам он приходит в избушку, вынимает регистрационную книгу, талоны, чернильницу, кладёт всё это на стол и выходит на крыльцо. Вокруг избушки цветут на луговине голубые колокольчики, душистые кашки, в лесу звенят щеглы, пеночки, в истоме замирают над кашками пышноцветные бабочки; воздух — что мёд. Подле избы сохнет ворох свежескошенной травы. Родион опускается на него и отдаётся сладостной дреме.

* * *

Голод, стужа, мгла...
Военный писарь, долговязый, с попорченным

глазом немец, поселившийся в избе Шевровых, присвоил всю шевровскую одежду-обушу, уложил её в четыре больших тюка и отослал в Смоленск на станцию. Родион и Матвей, стоя в то утро в сених, слышали, что немец очень шумливо хлопочет, кричит, но постучать в дверь (чего, мол, ты, живодёр, там делаешь?) не посмели, потому что писарь не позволяет хозяевам входить в избу без зова.

И только когда подъехали к избе розвальни и два солдата, распахнув дверь, стали выносить тюки, отец и сын увидели на мгновение свою избу. Писарь не только опустошил сундуки, полаты и шкаф, но и содрал с окошек дымчатые с пунцовыми цветами занавески, а со стола — клеёнку.

Когда подводы уехали, Родион ушёл на задворки, сел на пенёк и едва не заплакал:

— Эх, пропали мы ни за тринку! Куда пойдёшь, за что удержишься?

А неделю спустя Шевровых позвали на собрание. В село приехал учёный немец, собрал стариков, старух, долго расспрашивал их о хлебе, шерсти, о партизанах и о том, слушают ли в деревне радио, читают ли газету, которую немцы печатают для русских крестьян.

Родион Шевров, истощавший и скорбный, стоял на этом допросе впереди всех, и немец, видно, думал, что Родион — старейшина деревни, и, расспрашивая, всё поглядывал на него.

Крестьяне тоскливо помалкивали, отвечать пришлось Родиону.

— Газетка-то, — слабым, как бы мерцающим голосом говорил он. — Мы ведь про это не знаем. Может, которые и читают. Оголодались уж больно, твоё благородие, света божьего не видим, из изб-то повыгнали, раздели, разули, и утёпы у людей никакой не осталось...

Старики возвращались с допроса взбудораженные, говорливые:

— Хе-хе! Вроде совета спрашивает: как газету им печатать, как с партизанами воевать? Чего, оканные, ни делали: и стреляли, и ве-

шадя, и на каторгу, и всяко,— нет, не покоряется им народ. А этот вроде уместить хочет: «Вы старые, вы мудрые, хочу пошлюшать вас...» Хе, хе! Вот и примечайте, старики, куда чайки летят.

— А хорошо! — повеселевшим голосом проговорил Родион.— Больно, старики, хорошо!

— Чего?

— А вертается. По всем оно приметам вертается. Жизнь-то.

* * *

Дедушка Савватеев умер от голода. В кузнице с Матвеем Шевровым трудятся паренки Егор Матин и Петрунька Скворцов. Работы уйма: заржавевшие плужки, искарёженные селки, обуглившиеся лобогрейки. В кузнице с рассвета до поздних сумерек пром, дым, искорье.

Матвей сильно похудел, постарел, на портах бурые, коричневые, зелёные заплатки, на ногах дырявые коты, но трудится кузнец неустанно и азартно: ищет, примеривается, изобретает.

Выправив и наладив сплюснутую шестерёнку, он хриповато, но торжествующе произносит:

— Вот оно и выход из положения! Умись, ребята!

Парнишки учатся, всячески помогают кузнецу: они пленены его мастерством, страстностью, изобретательностью.

— Мы теперь тут с вами,— внушает кузнец,— в основе всего: без плуга, без сеялки колхоз что!.. А ну, поднажми! Опять жить будем! У-ух, жить будем!..

А Родион насчёт гусей и уток. Из-под Москвы и из Иванова прислали в освобождённый колхоз триста гусенят и утят. Пасти их трудно—поразвелось множество коршунов и лис,— надо бодрствовать, зорко следить за стадом, иногда стрелять из дробовика.

Цветут колокольчики, убаюкивающе щебечут славки и пеночки, воздух—что мёд, и так хорошо бы сейчас вздремнуть на тёплой, ласковой мураве. Но старик бодрствует, озирает небо и луг, помахивает длинной жердью, сиповато покрикивает:

— Тю-тю-тю!.. Я вас!..

А вечером он пригоняет стадо на ферму и сдаёт его Матвеевне, старшей птичнице, и если видит на ферме какие-нибудь неладности, то сильно огорчается и говорит:

— Я, Матвеевна, молчу, молчу, да только до поры до времени. Вот приду ужю на собрание и пушу на тебя такую критику, что ночей не станешь спать. Птица-то ведь колхозная!..

Алексей КОЛОСОВ

ЗА ВАШЕ ЗДОРОВИЕ, ДЯДЯ ФЕДОТ!

Экспромтом сказать новогоднюю речь — Весьма хитроумная штука. Однако придётся. Прошу приналечь На шуку. Чудесная штука! Берите, товарищи, шущью икру, А это, кто любит, молёка. Берите подливку.

Я слово беру

И речь поведу издалёка. Игрой обстоятельство я выпущен в свет С характером мягким, как вата. Зато у жены этой слабости нет. Жена у меня твердовата. Надеюсь, вам будет понятно теперь, Как нежно стучал я в парадную дверь. Вернувшись от Петьки Бахметьева Под утро, в три четверти третьего. По правде сказать, я совсем не стучал — Боялся стучать. А стоял, и молчал, И слушал нотации совести, Что я, мол, по скользкой тропинке иду, Что я, мол, себя безобразно веду, А нужно себя хорошо вести. И совесть меня беспощадно корит, И синий огонь на площадке горит, А люди от синего света Становятся синего цвета. И синий мужчина стоит у двери И шепчет растерянно: — Чорт подери! Стучись не стучись, а в жене ты обрёл Натуру прямую и цельную. Она не откроет.— Я тихо побрёл Утра дожидаясь в котельную. И вот, от стыда догорая долга, Я в тихой котельной сажу у котла. И вдруг сквозь моральные муки Я слышу реальные звуки. Я слышу, чего-то в котле мастерят. И там же кого-то костят и костят. И это не сон и не дрема — Костят.

И костят

Управдома.

Затем из котла вылезает старик Федот Никанорович — наш истопник, Мужчина старинной закалки, Хранитель традиций седой старины, Участник японской, турецкой войны И, кажется, битвы при Калке. Старик ни единым движеньем лица Не выдал смущенья при виде жильца, Который от неги постельной Ушёл и томится в котельной. Наверное, жизни шальная река Катала, обкатывала старика.

И вот, в результате обкатанности, Он стал образцом деликатности. Старик переплюнул решительно всех По части врождённого такта: Он только сказал понимающе: — Эх!.. И соболезнующе: — Так-то!.. Вот скоро ударят морозы, а, чать, Кому-то придётся за них отвечать. А как отвечать за морозы, Когда управдом метверзый?! Ведь он у кормила правленья сидит Такого огромного дома. А сам, извиняюсь, в бутылку глядит Ноль семьдесят пять от боржома. Сидит над бутылкой и смотрит моржом. И градусов на сорок этот боржом. И значит, понятно, откуда У всех квартирантов простуда. Нет, ты загодя всю систему проверь! Я так понимаю, что должен теперь Ответственность домоуправ нести За то, что котёл в неисправности. Вот я беспокоюсь. Ночами не сплю. Котёл починяю. Заплаты леплю. Леплю, понимаешь, заплатки. И без повышенья зарплаты. Нагрянут, того и гляди, холода, А мы не готовы. В котельной вода. Стояк никуда не годится. А, судя по виду, в шестом этаже На этой неделе, пожалуй, уже Ребёночек должен родиться. Да что говорить... Всё равно бесполез!.. И, «но» проглотив от расстройства, Федот Никанорыч обратно полез Тоску заглушать громаханьем желез И фразой особого свойства.

Три месяца с лишним с тех пор истекло. За окнами вьюга. В узорах стекло. А в комнате чистое лето. Мужчины без ватников. Дамы в шелках, И даже у многих на тонких чулках Носков шерстяных не надето. Пощупайте трубы. Они горячи. Прислушайтесь к трубам! В них шепчут

ручь

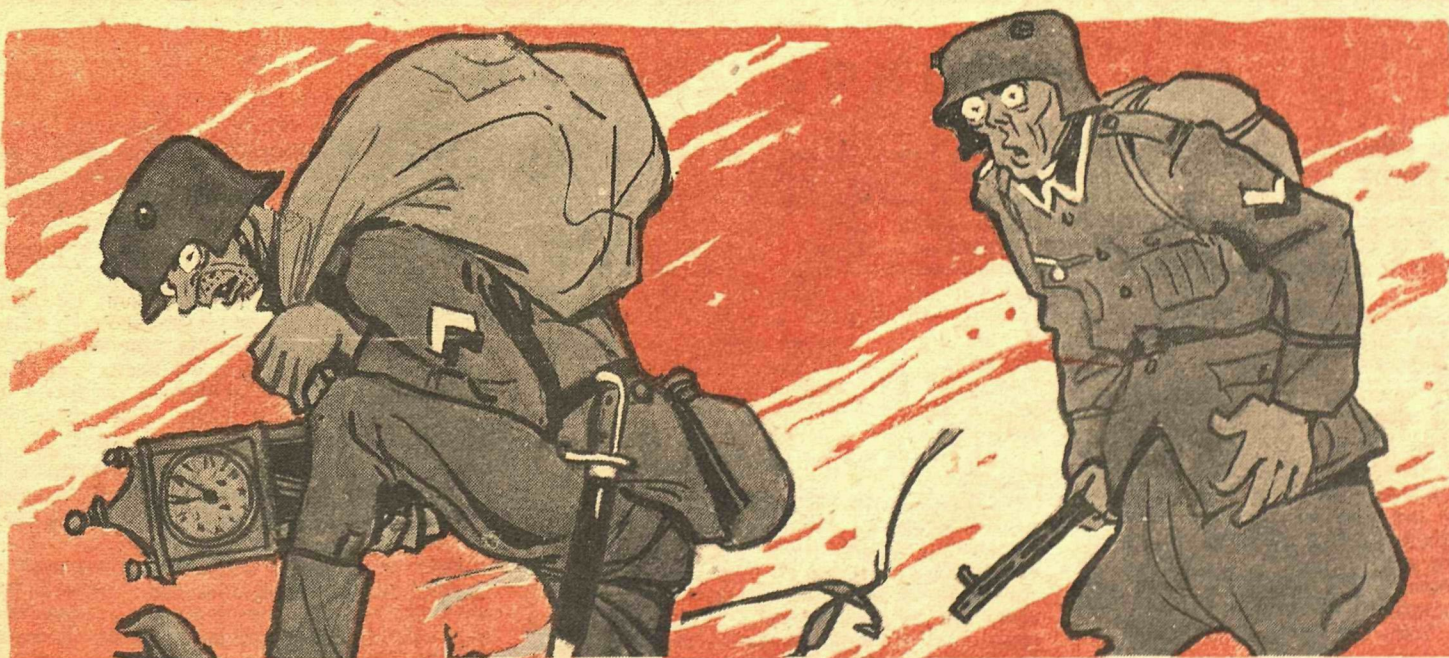
О дяде Федоте, который Вокет с домовой конторой. Прислушайтесь к трубам! По трубам течёт

Тепло стариковской заботы. За ваше здоровье, дядя Федот! Да здравствуют дяди Федоты!!

Мих. ВОЛЬПИН

В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Рис. К. Елисеева

— Послушай, Курт! Ты же ограбил квартиру Вилли Вебера, с которым учился в школе!..

— Ничего! Вилли сейчас грабит мою квартиру!

Рис. М. Черемных

— Ваню в Румынии поздравили, Саню — в Югославии, Бориса — в Чехословакии, Женю — в Пруссии тоже... А теперь вотки флажок в Норвегию и поздравим Лёню.

Трудное задание

ЕЛИЗАВЕТА Синицына — 18-летняя девушка-репортёр, которую все в редакции звали «бедная Лиза», — сидела в прокуренном маленьком кабинете заведующего информацией Барсукова и, водя розовым запачканным чернилами пальцем по столу, жаловалась на свою судьбу.

— Всем дают лёгкие, человеческие задания! — бубнила «бедная Лиза». — А мне никогда не дают лёгких, человеческих заданий!..

Сморщенный, жёлтый, как карельская берёза, Барсуков оторвался от гранок и спросил:

— Интересно, что ты считаешь «лёгким, человеческим заданием»?

— Фотовыставку! — сказала «бедная Лиза». — Сколько раз я вас просила: пошлите меня на фотовыставку! Я бы шедевр написала, потому что это мой материал... Нет, вы послали Ключикова... Я определённо вижу, что меня здесь затирают, Антон Антонович!..

— Не ной, Елизавета! Никто тебя не затирает!

— Да, не затирают! — продолжала ныть «бедная Лиза». — А почему, как только у вас появится нечеловечески трудное задание, так сейчас же Синицыну вам подавай?

— Гордиться должна доверием редакции, а ты ноешь. Садись в метро и поезжай прямо в гостиницу «Москва»: Карпович там остановился. Возьмёшь у него беседу, как он торпедировал немецкий караван, — и вся недолга! Что тут нечеловечески трудного, не понимаю!

— Он же нечеловечески неразговорчивый человек, этот Карпович, — со стоном сказала «бедная Лиза». — Другие газеты уже пробовали брать у него беседы — ничего не получается. Он всем говорит одно и то же: «Пришёл в заданный квадрат и, когда появился немецкий караван, я его торпедировал». Всё!..

— А ты как хороший репортёр выуди из него подробности!

— Выудишь из него, как же — держи карман! Кашкин из «Последних известий» рассказывал, что это не человек, а утёс... Диким мохом оброс!.. Вы знаете, как я люблю газету, Антон Антонович!.. Я всё для неё сделаю... Но если это нечеловеческая трудность... А у меня — самолюбие, Антон Антонович!.. Потом будете говорить — Синицына не справилась!..

— В общем потрудитесь выполнить задание редакции, товарищ Синицына, — сказал Барсуков уже другим, официальным голосом. — Докажите, что вы репортёр, а не школьница.

Через три часа материал должен быть у меня на столе.

Опустив голову, «бедная Лиза» молча вышла из кабинета Барсукова и обречённо спустилась по широкой редакционной лестнице в гардероб.

Надев синий берет с пряжкой, изображавшей белого бородатого щенка какой-то весьма экзотической породы, и короткую кофточку из цыгейки, Лиза задержалась перед зеркалом. С обычным чувством досады она увидела в зеркале розовые толстые щёки, вздёрнутый нос и тёмные, сердитые, расстроены глаза.

«Да! — со странным злорадством подумала «бедная Лиза». — Обаяние у вас, товарищ Синицына, на личике даже и не ночевало!..»

Натянув перчатки и зажав подмышкой видавший виды портфельчик, она вышла на улицу и столкнулась с репортёром Ключиковым — тем Ключиковым, который выхватил из-под самого лизинго носа пленительное задание написать про фотовыставку.

— Откуда ты, прелестное дитя, и куда? — бодро спросил Ключиков.

— В «Москву»! К Карповичу! — ответило

прелестное дитя скорбно и глухо, как тень отца Гамлета.

Репортёр многозначительно свистнул:

— Н-да!.. На Карповиче все горят!..

— Да, это тебе не фотопыскавка! — колко сказала Лиза. — У нас же всегда так: как только появится трудное задание, — значит, Синицыну им подавай!..

— Обожди, Лиза, не расстраивайся! — сказал добрый Ключиков. — Давай подумаем, как тебе подойти к Карповичу, чтобы он заговорил. В каких случаях мужчина становится разговорчивым? Мужчина становится разговорчивым, во-первых, тогда, когда девушка ему понравится.

— У меня обаяния нету... женского!.. И давай этой теме не будем касаться!

— Хорошо, не будем касаться, — сказал Ключиков. — Тогда остаётся второй вариант... Мужчина становится разговорчивым тогда, когда он выпьет. Ты водку пьёшь?

— Фи! Ужасная гадость!

— Вот если бы ты была мужчиной и могла бы с Карповичем клокнуть по-товарищески, он бы и заговорил!.. во весь голос!

— Глупости ты болтаешь, Ключиков. До свидания!

Лиза холодно кивнула Ключикову и быстро пошла по переулку — к станции метро. На душе у неё было смутно. Впереди холодным гранитным утёсом маячил неразговорчивый Карпович.

...Знаменитого подводника Лиза застала за обедом. Пожилой человек в чёрной морской форме, лысый, с красивой холеной бородкой поднялся из-за стола и с морячкой подчёркнутой вежливостью откомендовал Лизе:

— Капитан второго ранга Карпович. Чем могу служить?

«Бедная Лиза» довольно бойко объяснила, чем может ей служить капитан второго ранга, и поспешно вытащила из своего портфельчика блокнот и карандаш:

— Расскажите, как вы торпедировали немецкий караван, товариш Карпович.

— Пришёл в заданный квадрат, дождался появления каравана противника и торпедировал его.

— А подробности? — спросила Лиза, стараясь глядеть на знаменитого подводника со всем обаянием, на какое она была способна.

— Они без подробностей шли на дно, — усмехнувшись, сказал Карпович.

— А всё-таки? Вы мне всё по порядку расскажите!

— Я не мастер рассказывать, — сухо сказал Карпович.

Наступило неловкое молчание.

— Всё-таки как же вы торпедировали?

— Пришёл в заданный квадрат, дождался появления каравана противника и торпедировал его.

— И это... всё?

— Всё.

Вторая пауза была для Лизы ещё мучительнее первой.

Вдруг её блуждающий взор остановился на накрытом обеденном столе, в центре которого стоял пузатый графинчик с водкой.

Капитан второго ранга перехватил лизин взгляд и вежливо предложил:

— Может быть... откушаете со мной?

«Бедная Лиза» вспомнила совет Ключикова, страшно покраснела и, внутренне ужасаясь своей дерзости, сказала:

— Кушать мне не хочется. А вот... водки я бы выпила!

— Вы... пьёте водку?

— Люблю иногда... клокнуть по-товарищески! — сказала Лиза, катаясь в пропасть.

Улыбаясь одними глазами, явно заинтересованный этим неожиданным признанием, неразговорчивый Карпович сделал широкий жест, приглашая Лизу к столу:

— Ну, что же, давайте... клокнем по-товарищески!

Он налил две рюмки водки и пододвинул к Лизе тарелочку с селёдкой.

— Ваше здоровье! — сказал моряк, чокнулся и выпил, не поморщившись.

Лиза тоже взяла свою рюмку, храбро выпила, но на последнем глотке раскашлялась и минуты две сидела молча, с вытаращенными глазами, судорожно глотая воздух раскрытым ртом.

— Плоховато-вы клокаете! — сказал неразговорчивый Карпович.

— Просто не в то горло попало... Я могу ещё!..

Выпили по второй.

После второй рюмки Лизе стало тепло и очень весело. А весело ей стало потому, что Карпович, сидевший напротив, вдруг поплыл у неё перед глазами, стал зыбким, расплывчатым и, наконец, окончательно раздвоился. Теперь уже два знаменитых подводника, оба лысые, симпатичные, чернобородые, сидели за столом и, улыбаясь, смотрели на «бедную Лизу».

— Почему вас два? — спросила приятно удивлённая Лиза.

— Это потому, что вы уже нахлоказались, — сказали оба Карповича.

— А почему вы оба молчите и ничего мне не рассказываете?

— Хотим вас послушать!

— Хитрые какие! — сказала Лиза и погрозила Карповичам пальцем.

Карповичи дрогнули, снова поплыли и вдруг слились в одного Карповича. Голова у неё кружилась, хотелось говорить, говорить, говорить откровенно, по-товарищески о всех горестях и радостях её трудной репортёрской жизни.

И она заговорила.

Карпович внимательно слушал, молчал — только кивал головой да попрежнему улыбался одними глазами.

— Понимаете? — заплетающимся языком жаловалась подводнику «бедная Лиза». — Как нечеловечески трудное задание — так Синицыну им подавай!.. Вот вас мне подбросили!.. А вы мне ничегошеньки не рассказали, как вы это... топре... топер... торпедировали немецкий караван!.. А Барсуков скажет: «Синицына не справилась!..» А я не виновата, что вы такой... неразговорчивый.

— Сколько вам лет, Синицына?

— Восемнадцать.

— А сыну моему — семнадцать. Отец у вас есть?

— Он на фронте. Слушайте, расскажите же про немецкий караван!.. Я запишу!..

— Жаль, что я не ваш отец, — сказал неразговорчивый Карпович, — выскёк бы я всё сейчас за эту водку. Глупая девчонка!

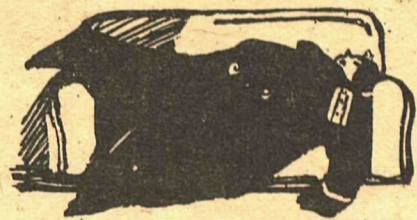
— Я же думала, что вы клокнете со мной по-товарищески!.. И всё расскажете. Господи! Что же будет теперь? Через два часа материал надо сдавать. А я спать хочу!

— Ложитесь вот на диван! И спите! — сказал знаменитый подводник, подводя «бедную Лизу» к дивану. — Я сам за вас всё напишу. По-товарищески. Вот вам подушка. Глупая девчонка!

...Через полчаса «бедная Лиза», тихо посапывая носом, сладко спала на диване, накрытая чёрной морской шинелью с погонами капитана второго ранга, а сам капитан сидел за письменным столом и, поглядывая на часы, торопливо писал статью для газеты. Писалось ему трудно, написав фразу, он зачёркивал написанное и принимался всё писать заново.

— Чорт побери! — ругался знаменитый подводник. — Действительно нечеловечески трудное задание!

Леонид ЛЕНЧ

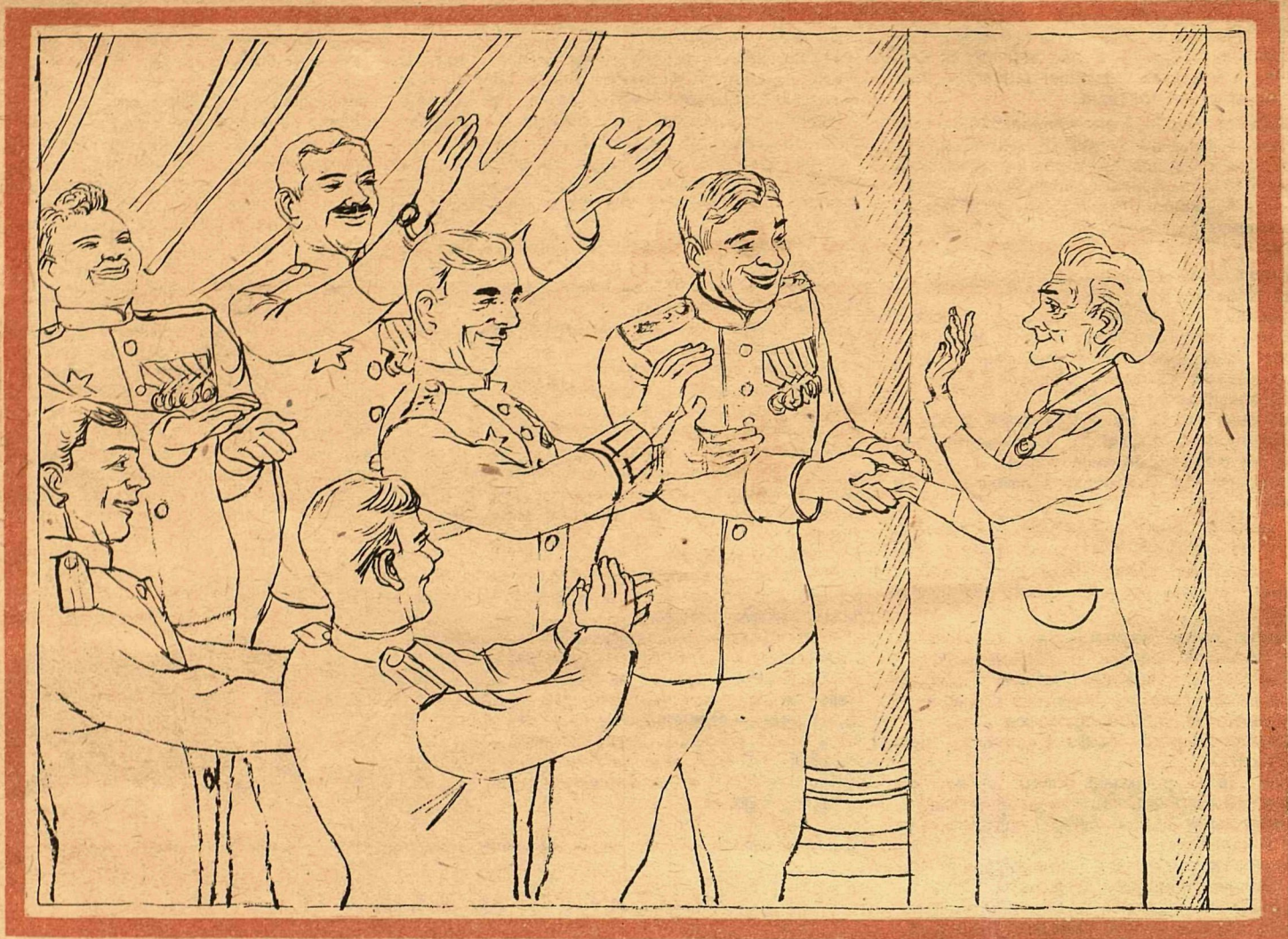

НЕМЕЦКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДЕД

Рис. А. Каневского

— Фюрер не забыл твоего папу, твоего дедушку и о тебе вспомнил!.. Получай, Людвиг, подарок!

— Поздравляем, поздравляем, Марья Петровна!..
 — Тише, дети!.. Не все сразу!.. Кто хочет меня поздравить, пусть сначала подымет руку!..

В ДВЕНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

Ровно без пяти минут
 Новый год вскричал:
 — Я тут!
 Он пришёл такой, как надо,
 Как всегда его рисуют.
 И зима сказала:
 — Рада
 Первой встретить вас в
 лесу я!
 Старый год стрякнул
 усталость
 И промолвил строго:
 — Здравствуй!
 Пять минут ещё осталось.
 Впрочем, принимай
 хозяйство!
 Нет в стране фашистской
 дряни,
 Чисто, словно в горнице.
 Мой охотник зверя ранил
 И за зверем гонится.
 Новый год воскликнул:
 — Чур!
 Зверя я доколотчу!
 Басом выюга загудела:
 — Видно, парень знает дело!

 В небе — яркая луна.
 На ветвях — стеклянный
 иней.
 Старый год сказал:
 — Страна,
 Что ни день, то всё красивей.
 Через пять минут ты всё
 Сам увидишь в свете ёлок.

 А пока последний сор
 Выметать давай из щёлок,
 Сели в быстрые салазки
 Старый год и Новый год.
 Но скрипит засов:
 — Без смазки,
 Не открою я ворот!
 — Хорошо, —
 Промолвил Старый, —
 Хорошо, что едем с тарой.
 И, не тратя лишних слов,
 Положил в мешок засов.

 Едут дальше, едут... Стой!
 Санки врезались в сугроб.
 Говорит солидный дядя,

На сугроб бумажный глядя:
 — Надо, милый, с юных лет
 Вам со временем считаться!
 Вас еще на свете нет!
 Вы вошли в мой кабинет
 Без пяти минут двенадцать!
 Я, простите, тороплюсь
 Новый год встречать...
 И, плюс,
 Подписать мне надо — вот
 Всё, что я скопил за год.
 — Хорошо, —
 Промолвил Старый, —
 Хорошо, что едем с тарой.
 Вот уже сидят в мешке
 Бюрократ на дураке,
 Лодырь, вор и карьерист...

 Слышен ветра долгий свист.
 Серебром сверкает ночь.
 Старый год уходит прочь.
 Новый год кричит в тревоге:
 — Не рассып мешок в
 дороге!

 Вдалеке куранты бьют.
 Ноль часов и ноль минут.
 Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Общие звёзды

ДВА ПИСЬМА

Рис. Бор. Ефимова.

В ЭТОМ доме жило много военных. И летчики, и артиллеристы, и танкисты, и пехотинцы, а в одной из квартир проживал даже капитан подводной лодки. Все владельцы квартир были на фронте, а дома оставались только мамы и дети.

Восьмилетний Вовка Зайцев, сын прославленного летчика, дважды Героя Советского Союза Алексея Зайцева, созвал у себя советские насчёт ёлки. В квартире собрались представители всех родов войск. Пришёл танкист Геня Кокошкин, пехотинцы Витя и Светлана Пахомовы, артиллеристка Зоя Воробьёва с сестрёнкой Майкой и серьёзный подводник Серёжа Тюкин.

— Прошу внимания, товарищи командиры! — сказал Вовка; он здорово подражал отцу и изо всех сил старался казаться солидным. — Завтра у меня на командном пункте будет ёлка. Как будем украшать? Прошу доложить, товарищи командиры. Ваше решение?..

— Надо, чтобы бусы, и блёстки разные, и ещё орехи, и лавить позолоченных, — сказал Витя Пахомов.

— Рыб можно навешать, зверей разных, — предложил Серёжа.

— Ваше мнение? — обратился Вовка к Зое Воробьёвой.

— Наше мнение такое, только я после скажу.

Обещание приняло шумный характер. Предложений поступило так много, что Вовке пришлось повысить голос:

— Товарищи командиры, если мы это всё на ёлку повесим, то она не выдержит!

— Надо мандаринов повесить и шоколад, — сказала Зоя.

Майка потянула сестру за рукав и сказала ей что-то на ухо.

— Товарищи, давайте не будем шептаться, — предложил Вовка. — Что там Майка хочет сказать?

— Это нельзя, — сказала Зоя. — Она предлагает, чтобы кисель на ёлку повесили...

— Ох, Майка, — сказал Вовка, — я прямо удивляюсь! Всё-таки не маленькая. Тебе уже пять лет...

— Пять лет и два месяца, — уточнила Майка.

— Ну вот, а ты кисель предлагаешь. Ты ещё скажешь, чай горячий повесить, да?..

— Чай не надо, — сказала Майка, — лучше какао...

— Зоя, уведи её, — сказал Геня Кокошкин, — она вносит дезорганизацию!

Он хотел сказать дезорганизацию, но это было слишком сложно.

— Тише все! — сказал Вовка. — Чего я скажу. Давайте все украшения соберём, у кого какие есть, и отдадим ребятам в детский сад, который в проходном дворе. Потому что у них родителей нет, а чем им украшать?..

— А мы как же? — спросила Светлана.

— А мы вот чего сделаем. Мы звёзды порежем из цветной бумаги и навешаем. А сверху я отцовский фонарь привяжу. Знаете, у него луч какой, будь здоров на его метров бьёт...

— Кто бьёт? — испуганно спросила Майка; но её не удостоили ответом.

— У моего папы, — продолжал Вовка, — на физиономии тридцать восемь звёзд нарисовано. Значит, он сбил тридцать восемь немецких самолётов. Вот мы на ёлку и повесим тридцать восемь звёзд...

— Ну да, это за твоего папу, а за нашего? — обиделась Зоя. — Нашего папа батарея тоже семь самолётов сбита. Так что можешь не задаваться...

— Ладно, — сказал Вовка. — Тридцать восемь плюс семь. Всего — сорок четыре...

— Во-первых, не сорок четыре, — сказал Геня, — а сорок пять. Это раз. А как же мой папа?

— А наш папа? — спросила Майка. — И у нас папа есть...

— Опять ты высказываешься? — строго сказал Вовка.

— А мой папа, когда из похода приходит, — сказал Серёжа, — его на пирсе все встречают, а папа из пушки стреляет: сколько потопил транспортов, столько стреляет. А потом кок всей команде поросёнок жарит. Сколько транспортов, столько и поросёнок...

— Ну, сколько он потопил поросёнок... то есть этих... транспортов?

— А я не знаю.

— Ну, десять хватит?

— Мало десять.

— Ну, двадцать транспортов, ладно?

— Ладно.

— Значит, сорок пять и двадцать. Сколько всего будет?

— Восемь, — сказала Майка; она любила точность.

— Зоя, ты её уведи. Она арифметику не знает и только всех путает. Теперь у нас кто остался? Геня, Светлана и Витя. Ихние папы чего-нибудь сбивают?

— А то нет!.. Конечно, сбивают! — сказала Светлана.

— Ну, сколько твой отец транспортов потопил? — небрежно спросил Серёжа; он обеспокоил себе двадцать звёзд и был совершенно спокоен за свою долю славы.

— Мой отец, во-первых, транспорты не топтит, — сказал Геня, и по глазам его можно было догадаться, что слёзы уже не за горами.

— Правильно, — сказал Вовка. — Раз его отец — танкист, то он уничтожает живую силу...

— И технику противника, — сказал Геня.

— Тебе сколько звёзд? — спросил Вовка.

— Десять, — скромно потребовал Геня.

— Ладно. У нас сколько всего?

— Шестьдесят пять.

— Шестьдесят пять и десять. Всего, значит...

— Семь, — быстро ответила Майка.

— Ты опять высказываешься?! — спросил Вовка.

Он сделал страшные глаза и сжал зубы, отчего у него задвигались скулы. Теперь он был очень похож на отца в редкие минуты гнева. Майка спряталась за спиной Зои и затихла.

— Значит, всего у нас семьдесят пять звёзд. А всего надо, чтоб сто. Из сто отнять семьдесят пять — равняется двадцать пять. Вот Вите и Светланке остаётся двадцать пять звёзд. По двенадцать с половиной звёзд...

— А полсвины звезды не бывает, — сказала Светлана.

— Тогда ладно. По двенадцати, и одна звезда лишняя... — Вовка посмотрел на Майку и небрежно сказал: — Лишнюю звезду отдадим Майке. Раз она маленькая, пусть. Есть вознаграждения, товарищи командиры?

— Вовка, чего я скажу... — Майка вышла вперёд.

— Ты чего, недовольная?..

— Я довольная. Вовка, у нас вчера кошка мыша поймала...

— Ну и что же? — удивился Вовка.

— Ничего. Съела его — и всё...

— Я тебя на совещание больше вызывать не буду. Потому что ты всё время мешаешь. Давайте сейчас письмо напишем в детский сад.

— Дай я напишу, — вызвалась Майка. — Я букву А знаю и Мэ...

— Погоди. Вот ребёнок растёт!..

Вовка взял листок бумаги, красный карандаш. Все окружили его. Не прошло и часа, как письмо было написано:

«Дорогие ребята! Вот эти вам все украшения. Повесьте их на свою ёлку, а у нас звёзды общие. Да здравствуют наш праздник и победа! Смерть немецким оккупантам! По поручению наших всех ребят Зайцев Володя».

НА ФРОНТ

«Дорогой папочка! Сегодня у нас на ёлке был Хенкин...»

С ФРОНТА

«Дорогой сынок! А у ёлке был «Хейнкель»...»

Вовка прочёл письмо вслух. И чай Майку, сделали вид, что лично. Одоблив письмо, все ушли деления для подарков и цветную общих звёзд. Вовка снова перечитал письмо. Подумав, вздохнул и под строчкой «Зайцев Володя» приписал: «Командующий авиацией фронта». Борис ЛАСКИН

БЮДЖЕТ. ЭКЗЕМПЛЯР
9 - АНВ 1945
Вос. Мн. Взаимоу Получены

Желаю, чтоб:

Будьте так любезны, получите билетик и, если вам не затруднит, сделайте одолжение и пройдите, пожалуйста, вперед!

УПРАВЛЕНИЕ

С приездом! Сохранил вам квартиру и все вещи. Добро пожаловать!

Нет! Я бросил курить и вам тоже советую.

Есть лиздек?

Гражданка, куда же вы? Я вам еще 20 граммов не довезла!

В этот театр и, к сожалению, не могу пойти: врачи запретили мне много двигаться.

ТЕАТР САТИРЫ

Я вам поставлю подметки, но за это вы должны взять у меня поллитра.

Только должен вас жестко предупредить — большая загрузка. Раньше, чем через три минуты готово не будет.

КОМБИНАТ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Иван Семенович не на заседании не оденет свободек и сейчас вам придет. Проще!

СЕКРЕТ